

The author describes findings from Qatta-Kamar Grotto (South Fergana, Central Asia), where mural drawings of some ritual of the late mesolithic and early neolithic times were discovered. The ritual scene is an unique evidence of the spiritual culture of the Neolithic age in Central Asia. Some resemblance to the famous cave mural paintings from Shakhty and Zaraut-Kamar (Gissar mountain chain) grottos is observed.

© 2001 г., ЭО, № 5

Б.Р. Рагимова

ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ДАГЕСТАНЕ (XIX – НАЧАЛО XX в.)

Положение женщины в традиционном дагестанском обществе всегда привлекало внимание исследователей и просто наблюдателей, но зачастую оно ограничивалось теми явлениями и сторонами быта, которые лежали на поверхности. Не всегда оценки их бывали объективными и беспристрастными. Большинство из них отмечали невыносимо тяжелые условия жизни горянки, ее «рабский» труд, приниженное положение в семье и обществе, гражданское бесправие. Вместе с тем от внимания этих авторов совершенно ускользало ее имущественное положение.

Среди дореволюционных авторов и исследователей, затрагивавших вопросы имущественного положения дагестанской женщины, следует отметить М.М. Ковалевского и Б. Далгата¹. В советское время эти вопросы освещались в трудах Г.А. Сергеевой, С.Ш. Гаджиевой и М.А. Агларова². Однако специально эта тема в полном объеме пока не изучена.

Имущественное положение женщины в Дагестане в указанное время определялось мусульманским правом – шариатом и нормами обычного права – адатами. Однако по многим вопросам, касавшимся обеспечения женщины имуществом, раздела собственности, наследования, завещаний, шариату удалось значительно потеснить адаты. Большинство дагестанских адатов не содержат практически никаких указаний относительно раздела имущества и наследования. Лишь отдельные местные обычаи, касавшиеся имущественных отношений, отражавшие их особенности, вошли в некоторые сборники адатов, главным образом в феодальных владениях³.

Мусульманское законодательство наделило женщину значительными имущественными правами. По шариату женщина могла претендовать на свою долю имущества, в то время как адаты в этом праве ей отказывали: женщина устранилась от наследования, и имущество умершего доставалось лишь родственникам мужского пола. В Дагестане в имущественных вопросах следовали шариатским предписаниям, к адатам прибегали лишь при разделе собственности в феодальной среде, где недвижимость, и прежде всего земля, могла быть передана только наследникам-мужчинам.

Своим собственным имуществом женщина обзаводилась в основном после замужества. Находясь в родительской семье, девушка никаких прав на семейное имущество не имела, подобно остальным невыделенным членам семьи. Все семейное имущество находилось в руках главы семьи, который и использовал его по своему усмотрению. Даже то, что было заработано лично ею, не являлось ее собственностью. Впрочем, не только дочери, но и неженатые сыновья не могли распоряжаться личными заработками по своему усмотрению. «Хотя сын и участвует иногда в скоплении имущества отца, – писал Б. Далгат, – но даже все им заработанное до женитьбы считается принадлежащим отцу»⁴.

Собственность женщины, как правило, состояла из приданого; из того имущества,

которое ей полагалось при заключении брака по мусульманскому обряду (*кебин*); подарков, полученных ею при выходе замуж от своих родственников и от родственников жениха. Если ко времени ее замужества раздел семейного имущества был произведен, то доля девушки включалась обычно в состав ее приданого.

Каждая невеста обязательно должна была иметь приданое. Это то имущество, которое она брала с собой из родительского дома, состав его зависел от благосостояния семьи: как правило, это была одежда, постельные принадлежности, предметы домашнего обихода, утварь и пр. Часто в приданое включали скот, а иногда и участок земли, особенно в горном Дагестане, у аварцев, например; в Южном Дагестане и на плоскости землю не давали в приданое (за исключением, разве что некоторых единичных случаев). Основными же компонентами приданого невесты, следует еще раз отметить, были предметы обихода – то, что могло ей пригодиться на новом месте в ее новой семье. Само название приданого на языках народов Дагестана свидетельствовало о его содержании. У аварцев приданое называлось *бусен ретлеа* («постель, одежда»), *бахларалгул къай, къоно* («вещи, утварь невесты»); у даргинцев – *матял* («вещи»); у лакцев – *хъиривсса* («вслед за ней»). У лезгин приданое – *жигъызар* – подразумевало лишь движимое имущество.

Приданое наряду с подарками, которые невесте делала сторона жениха, а также кебинным обеспечением составляло безусловное имущество женщины, которое она могла забрать с собой в случае развода или смерти мужа. Во избежание различных имущественных споров оно нередко заносилось в особый список, который скреплялся печатями сельских судей. Вот как выглядел один из таких списков начала XX в. (с. Мискинджа, Самурский округ): «сумах – 60 руб., две переметные сумки – 10 руб., два тюфяка – 25 руб., две подушки – 20 руб., медный таз – 25 руб., кувшин – 12 руб., кувшин с тазом – 10 руб., медное блюдо – 1 руб., два больших блюда – 10 руб., самовар с принадлежностями – 25 руб., лампа – 4 руб., большой сундук – 10 руб., маленький сундук – 5 руб., два зеркала с двумя полотенцами – 10 руб., скатерть – 5 руб., 8 пар мужских чулок – 6 руб., дюжина носовых платков – 4 руб., платок – 2 руб., два занавеса – 4 руб., шелковый платок – 15 руб., всего на сумму – 409 рублей»⁵.

Приданое для дочери мать начинала собирать чуть ли не с самого ее рождения. Сама девушка, повзрослев, активно включалась в этот процесс: вязала себе различные предметы, вышивала, ткала ковры и паласы. В зависимости от воли отца приданого могло быть больше или меньше. Иногда в него включали то имущество, которое дочь получила бы в качестве наследства из причитавшейся ей по шариату доли имущества, но не более того.

В отношении приданого дочери права отца были достаточно сильны. «Приданое, – сказано в адатах Технуцалского наибства Андийского округа, – в случае развода может быть отобрано обратно. Отец вправе распоряжаться отданным в приданое дочери имуществом»⁶. Таким образом, несколько нарушались шариатские предписания, принятые в Дагестане, согласно которым, имуществом жены, включая ее приданое, распоряжается муж, и лишь в случае ее смерти приданое возвращалось ее родным и то, если у нее не было детей. Еще более категорично права отца женщины на ее приданое заявлены в адатах шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского, из которых следует, что если отец, «приготовив для своей дочери приданое, как то: ковры, медную посуду, сундуки, пух для подушек, перья для постели и прочую необходимую домашнюю утварь, во время свадебного пира в присутствии двух свидетелей скрытно заявит, что такое приданое он ссужает дочери своей на время, но не отдает в полное ее владение и что он возьмет все это от нее обратно, когда ему заблагорассудится, – то такое заявление отца только в присутствии двух свидетелей, по недавно установленному обычаю, в баматуллинских селениях считается недействительным, если оно не будет сообщено всем присутствующим на свадьбе и самому жениху, нежели приданое привезут в его дом. Если жених во время свадьбы в присутствии посторонних услышит о таком намерении отца невесты и не сделает на то никакого возражения, тогда условия, заявленные отцом относительно приданого его

дочери, считаются действительными и отец после свадьбы имеет право, если пожелает, взять обратно все то, что дал дочери своей в приданое»⁷.

Даже если абстрагироваться от всех казуистических подробностей, подобные решения не могут не вызывать удивления. Это не адат, а скорее сложившаяся в данном регионе практика, вызванная определенными причинами, в основе которых могли быть непростые взаимоотношения в больших неразделенных семьях. Возможно, это своеобразная забота отца об имуществе дочери, продиктованная желанием уберечь его, так как в семье мужа оно легко могло раствориться в общем имуществе и быть растроченным.

Разумеется, такие права отца на распоряжение приданым дочери и после свадьбы не могли быть общепринятыми нормами. Иначе как объяснить потерю женщиной своего приданого в ситуациях, когда она уходила от мужа по своей инициативе или когда вдове навязывался левиратный брак, а она отказывалась от него, о чем в тех же адатах шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского сказано следующее: «Если кто-либо пожелает вступить в брак с вдовой умершего брата, вдова же не изъявит согласия на его предложение, то она по существующему обычаю, высылается из дома умершего мужа с лишением всех прав на получение доставшегося ей со стороны мужа, так и приданого со стороны ее родителей»⁸.

Однако вернемся к правам отца на приданое дочери. Столь ревностное отношение отца к ее приданому могло быть вызвано и тем, что в состав его у части дагестанцев давалась земля. Это то имущество, которое при разделе общесемейной собственности полагалось дочери. А по обычаю отец имел право отнять имущество, данное детям при выделе. По свидетельству Б. Далгата, в сел. Урахи (Даргинский округ) отец отнял у дочери-вдовы землю, данную ей при вступлении в первый брак, за то, что она не вышла при повторном браке за того, за кого он хотел ее выдать⁹.

Обязательным условием заключения брака у мусульман был брачный контракт. Согласно шариату, каждый мусульманин обязан был при заключении брачного договора – *магъар*, *никях* – определить условную сумму денег или имущества, принятого в том или ином сельском обществе. Называлось такое обеспечение по-разному: *магъар*, *магъауралъул мисри* (у аварцев); *кебин гъакъ* (у кумыков); *никагъдин гъакъ* (у лезгин); *магъарла мас* (у даргинцев), *магъарданул арцу* (у лакцев). В специальной литературе чаще всего употребляется обобщенный термин – «кебин».

Кебинные деньги или имущество должны были служить обеспечением женщины на случай развода и являлись ее неприкосновенной собственностью. Однако деньги на руки женщине после заключения брака почти никогда не давали. По словам М.М. Ковалевского, кебин «жених скорее гарантирует, нежели выдает невесте»¹⁰. А.В. Комаров также отмечал, что «кебин хакк большей частью не отдается невесте или ее родственникам, а только вносится в брачное условие и взыскивается с мужа, когда он дает развод жене, или после его смерти»¹¹. Шариат различал два вида денежного обеспечения – *махра*: *мехру-л-мусемма* и *мехру-л-мисль*. Первый уплачивался при совершении брачного договора, второй лишь определялся по совершении договора в зависимости от имущественного состояния супругов¹². У среднеазиатских народов, по сообщению Н.А. Кислякова, махр также делился на две части: махр наличный – *накд* и махр отложенный – *насия*; первый – это определенная сумма денег или имущество, вручаемое женихом невесте в момент бракосочетания; второй – это деньги или имущество, обусловленные заранее, но выдаваемые жене в случае смерти мужа или развода по его инициативе. Махр наличный часто сливался со свадебными подарками, а отложенный нередко носил фиктивный характер¹³.

Размер кебина не был одинаковым, величина его сильно колебалась в зависимости от принятых в данном конкретном обществе обычаев, от экономического благосостояния общества, материального положения семьи невесты, ее сословной принадлежности. Кроме того, размер кебина за девушкой был больше, чем за вдовой и разведенную, нередко в 2 раза. Не последнюю роль здесь играли и личные качества невесты. Если она была хороша собой, имела высокое происхождение и хорошую

репутацию, принадлежала к уважаемому родовому подразделению (*тухуму*), то и величина кебина за нее была больше. П. Петухов сообщал: в Кайтаго-Табасаранском округе «некоторые тухумы имеют свой фамильный кебин, т.е. выдают замуж только за кебин известной ценности, причем большая или меньшая ценность кебина выражает большее или меньшее значение тухума»¹⁴.

В 1913 г. по рекомендации русских властей большинство сельских обществ Дагестанской обл. составили специальные приговоры об установлении новой величины кебина в сторону уменьшения. В итоге наиболее крупный размер кебинных выплат был установлен в Цудахарском участке Даргинского округа – до 300 руб. и выше, самый низкий – в Тлейсерухском и Гидатлинском участках Гунибского округа. В большинстве сел этих участков девушкам полагалось 5 руб., а вдовам и разведенным – 3 руб.¹⁵

Малая величина кебина в ряде сельских обществ, вероятно, не что иное, как следствие той политики, которую в свое время проводил Шамиль на подконтрольных ему землях. Еще А.В. Комаров отмечал этот факт. Он писал: «Шамиль, видевший в браке залог благосостояния горцев, всеми силами старался способствовать легчайшему заключению браков и потому старался об уменьшении кебина; так, в селениях Гимра, Харикуни и других, бывших вблизи нашей передовой линии, из которых мужчины часто попадали в плен или были убиваемы при набегах, и где потому число женщин значительно превышало число мужчин, кебин-хакк был весьма незначителен, от 25 коп. до 1 рубля»¹⁶.

Не всегда величина кебина измерялась лишь в денежном эквиваленте. В некоторых горных обществах Дагестана жених выделял будущей жене земельный участок, иногда фруктовые деревья и другое недвижимое имущество, а также движимое: например, предметы домашнего обихода, ткани, паласы, зерно. С.Ш. Гаджиева отмечает, что кумыки, дербентские азербайджанцы, ногайцы, часть табасаранцев и др. в качестве кебина выделяли только предметы домашней обстановки, утварь или деньги¹⁷.

В феодальной среде обеспечение женщин по кебину было гораздо более значительным. Так, согласно адатам шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского, беки шамхальской крови «назначают при заключении брака в кебин-хакк кутан или пастбищную гору, или же приличную сумму денег – около 1000 руб., смотря по достатку»¹⁸.

Махр, как сказано выше, должен был быть выплачен жене в случае смерти мужа или его развода с ней. Шариат приравнивал неполученный женой махр к долгам умершего, оставляя за женой право не допускать раздела имущества, пока она не получит свой махр¹⁹. В случае смерти мужа кебинное обеспечение вдове должно быть выплачено либо свекром, либо братом покойного. В адатах шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского на этот счет сказано следующее: «Когда по смерти мужа, от которого не останется детей, жена пожелает возвратиться к своим родственникам, то свекор, при котором супруги жили по совершении брака, обязан как по адату, так и по шариату, бесспорно отдать ей все то, что она получила при сватовстве. Что же касается до кебин хакка, если он ей назначен свекром из его собственного имени, то должен быть выплачен беспрекословно; если же назначен из имени мужа ее, отделенного от отца имущественно, и в условиях при заключении брака не было определено, кем именно должен быть уплачен кебин-хакк, то таковой не взыскивается с отца, а уплата оного предоставляется его доброй воле»²⁰. В данном случае, как следует из текста, женщина могла претендовать на свой кебин-хакк, если он был назначен свекром из своего собственного имущества. Кем же должно быть выплачено кебинное обеспечение, если оно было назначено из имущества мужа, в адате не сказано, но, видимо, это как раз тот случай, когда невыплаченный кебин мог быть приравнен к долгам умершего мужа либо вдова получала свою часть при общем разделе оставшегося имущества между наличными наследниками.

Дела о разделе имущества покойного с выделением вдове положенной ей шари-

атской части нередко являлись предметом долговременных споров. Таковым было дело по спору жителя сел. Гапцах (Самурский округ) Абдурахмана Абдулла оглы с вдовой покойного брата из-за имущества (1914–1915 гг.). В своем прошении на имя председателя Самурского окружного суда он указал, что во время его нахождения в ссылке в 1895 г. умер его младший брат Абдурагим, который жил с ним нераздельно. До его возвращения общее имущество, принадлежавшее ему и брату, было описано и разделено между наличными наследниками, из которых каждый получил свою часть. Спустя 15 лет по иску вдовы покойного брата, представленного в Самурский окружной суд, ей была присуждена новая шариатская часть из того же самого имущества, хотя она и получила свою долю по разделу в 1895 г. В прошении содержалась просьба принять решение для возвращения просителю «лишнего» имущества, полученного вдовой покойного брата²¹.

Однако среди дел, рассматривавшихся в окружных и прочих судах, нередкими были иски жен о растрате мужьями их кебинного имущества. Так, жительница сел. Ахты того же округа Абидат Эмир-Ага кизы обратилась в 1914 г. в окружной суд с иском к своему мужу о растрате последним 100 руб. кебинных денег. Истица утверждала, что ее муж распродал все имущество и собирался уехать, не дав ей кебинных денег, на что ответчик заявил, что у него в настоящее время нет денег и что он отдаст их тогда, когда заработает. Суд обязал его выплатить жене ее кебинные деньги²².

Женщина теряла право на свое кебинное имущество, если она при свидетелях дарила его мужу. При разделе имущества одного ахтынца в 1860 г., у которого помимо прочих наследников были две жены, сложилась такая ситуация: одна из жен подала жалобу о невыплате ей кебинных денег, на что другая жена под присягой заявила, что та подарила свои кебинные деньги покойному мужу, а потому она не могла рассчитывать на них при получении своей доли имущества²³.

Эпизод с дарением кебинных денег мужу описал у лакцев Абдулла Омаров. Дело происходило во время молебствия по случаю засухи. Кадий, выступая перед собравшимися, говорил, что «народ сильно стал склонен к грехам, что супруги не исполняют своих обязанностей друг к другу; поучал, как жена должна вести себя и как слепо должна повиноваться мужу, рассказывал о страшных адских муках, ожидающих непослушных жен, и о блаженстве рая, которые ожидают послушных; говорил также, какое великое вознаграждение получит на том свете та, которая подарит свои кебинные деньги мужу. При этом несколько женщин объявили кадию гласно, что они дарят свои кебины мужьям, за что тут же получили общее одобрение»²⁴. Если жена «прощала» мужу свой кебин, то это, отмечал Д.-М. Шихалиев, «есть верх добродетели набожных жен, после чего отпускать свою жену остается на совести мужа»²⁵.

Помимо приданого и кебинных денег в имущество женщины включались те подарки, которые делали ей жених и его родня во время сватовства и свадьбы, а также то имущество, которое женщина заработала без помощи мужа или приобрела на свои собственные средства.

Подарки жениха становились собственностью невесты. Согласно адату, если жених отказывался от брака, подарки оставались ей в качестве компенсации. Если же невеста отказывалась от брака, то подарки возвращались жениху. В годы супружеской жизни подарки, поднесенные в период сватовства, входили в состав имущества жены, и в случае необходимости она могла распоряжаться ими так же, как и остальным имуществом.

Во время сватовства и свадьбы невеста получала подарки не только от жениха, но и от гостей – своих родственников и родственников жениха. Близкие родственники жениха могли передать в ее собственность скот, участок земли, фруктовые деревья, как это практиковалось у кайтагских и цудахарских даргинцев²⁶. Приплод скота и доход, получаемый с земли или фруктовых деревьев, являлись собственностью жены. У даргинцев, по свидетельству Б. Далгата, «вещи, полученные молодыми во время свадебных пиров в виде даров гостей, бывают принадлежностью жены, а те, которые

получены от родственников мужа, считаются принадлежностью мужа»²⁷. У кумыков предсвадебные подарки (деньги, утварь, одежда) назывались *альхамом*. У северных кумыков в конце XIX в. он равнялся сумме в 70 руб.²⁸ Особенно велик был альхам в феодальной среде. Так, согласно адатам шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского, «беки шамхальской крови дают засватанной от 600 до 1000 руб. альхаму, смотря по достоинству родителей ее, приговаривают из лучших материй, парчи и бархату брачную для невесты одежду, подушки пуховые, одеяла, занавесы и пр., дарят для услужения ей двух рабов или рабынь»²⁹. Все это имущество, включая рабов (если они к тому времени оставались живы), в случае развода или смерти мужа «жена бека шамхальской крови» получала в собственность. Любопытно, что эти права не распространялись на ее кебинное имущество. Оно также было весьма приличным и состояло из кутана (участка пастбища) или пастбищной горы или же денег – около 1000 руб. Кебин хакк бекским женам заменяли альхамные деньги³⁰. Все эти порядки находились в связи с тем общим правилом, предписанным сложившимся обычаем, когда любая недвижимость не могла быть выведена из пределов владения феодального дома. Дочери и жены беков, ханов и шамхалов могли наследовать любое имущество, но только не землю, которая передавалась исключительно по мужской линии³¹. Здесь беки руководствовались не шариатом, а адатами (о самом порядке наследования в феодальной среде речь пойдет ниже).

Помимо подарков, приданого, кебинных денег к имуществу женщины присоединялось также то, что она самостоятельно заработала отдельно от мужа в период совместной жизни. «Если женщина, – писал Б. Далгат, – что-либо сработала без помощи мужа и приобрела на свои собственные средства (в особенности то, что сделала в отсутствие мужа), то оно по адату и по шариату принадлежит ей отдельно»³². В отношении же имущества, приобретенного женой совместно с мужем, не на свои средства, существовали разночтения: по адату такое имущество считалось мужниным, а по шариату – совместным обоих супругов³³.

Имущественные отношения мужа и жены в Дагестане были построены, согласно правилам шариата, на началах раздельности. Однако, несмотря на такую раздельность, женщина, будучи замужем, не всегда могла свободно распоряжаться своим имуществом. «Жена не имеет права, – можно прочесть в адатах Ункратль-Чамалальского наибства Андийского округа, – взять свое имущество от мужа, и передать другому, а также завещать или дарить, кроме как своим детям. Муж должен следить за имуществом жены, как за своим. Спор жены о растрате мужем имущества не принимается, если не заявит тотчас»³⁴.

Женщина, находясь в браке, не всегда могла распоряжаться ни своей, ни общесемейной собственностью. Об этом свидетельствует, в частности, примечание, сделанное к адату следующего содержания, принятого в Кюринском округе. «Если тот, у кого отыскано краденое имущество, – говорилось в адате, – докажет, что оно приобретено им покупкою или другою законною сделкою, от родственника истца, живущего вместе с последним в одном доме, то он освобождается от всякой ответственности, потому что, по местному обычаю, все лица мужского пола, живущие в одном доме и составляющие одно семейство, пользуются равным правом распоряжаться имуществом и, следовательно, покупатель не мог подозревать продавца в воровстве»³⁵. Примечание же к этому адату было следующим: «Женщины, как не имеющие права распоряжаться в доме имуществом, в подобных случаях обвиняются в воровстве наравне с посторонними лицами»³⁶.

Женщина получала право распоряжаться своим имуществом лишь в случае развода, если он произошел по инициативе мужа или в случае его смерти, или же по иным причинам, допускаемым шариатом. Это же относилось и к спорам по поводу имущества: «Имущественный спор между женой и мужем не принимается, пока не разведутся или один из них не умрет» – сказано в адатах Гумбетовского наибства Андийского округа³⁷. Характерная деталь: муж не приобретает полного права распоряжаться имуществом своей жены в случае ее смерти. Он получал лишь причитавшуюся

ему по шариату часть наследства жены, остальная же часть поступала ее детям, а в случае их отсутствия – ее родственникам.

При совместной жизни муж управлял имуществом своей жены. Случалось даже, что оно перемешивалось с общим, и тогда при разделе возникали сложности, приходилось делить все пополам с учетом прироста имущества, которое супруги накапливали в процессе совместной жизни³⁸. Доходы с совместного семейного имущества поступали в общую собственность жены и мужа, но распоряжался всем муж. Для совершения женой какой-нибудь сделки по адату требовалось согласие мужа; в противном случае женщина могла распоряжаться своим имуществом лишь по решению суда. Но вместе с тем муж обязан был отвечать по обязательствам своей жены, а жена в свою очередь не несла ответственности по обязательствам мужа, хотя здесь существовали некоторые оговорки: например, по свидетельству Б. Далгата, «если жена пойдет в суд и заранее предупредит, что не будет платить за мужа, то ни в коем случае ее не заставят платить по долгам мужа. Если же она не предупредит суд, то заставляют и ее платить за мужа»³⁹.

Среди имущественных прав женщины наиболее рельефно обозначены ее наследственные права. Порядок наследования в Дагестане почти всецело определялся правилами шариата. Именно это обстоятельство дало женщине возможность рассчитывать на получение своей доли наследства. Шариату удалось вытеснить наследственное право из сферы обычного права, по которому женщина, как правило, устранялась от наследования, и имущество умершего доставалось лишь родственникам мужского пола.

По словам исследователя мусульманского права наследования В.Ф. Мухина, «назначить определенные части наследства лицам женского пола было большим новаторством со стороны Магомета, но совершенно устранить старинные обычаи родового быта, допускавшего к наследованию лишь родственников мужского пола по мужскому колену, Магомет не решился, и даже в его собственных постановлениях сохранилось начало наследования в форме известного предпочтения лиц мужского пола перед лицами женского пола при совместном их наследовании. Это предпочтение у Магомета выражается в предоставлении лицу мужского пола наследства, равняющейся доле двух лиц женского пола»⁴⁰.

Как же происходил раздел наследства по шариату? Наследники делятся на две большие категории: *фарз* и *асаб*. К наследникам фарз относились те, чьи доли определены самим законом, независимо от числа других наследников. Наследники по асабу получали то, что оставалось после раздела наследства в первой группе. «В мусульманском праве, – отмечал Н. Караулов, – только родители и супруги не устраняются прочими наследниками; что же касается остальных, то ближайшие родственники всегда устраняют от наследства следующих за ними по той же линии»⁴¹.

Само наследство, т.е. оставшаяся за вычетом долгов и прочих выплат часть, делится на шесть долей: половина, одна четверть, одна треть, одна шестая, одна восьмая, две трети. Остановимся на тех долях наследства, которые при определенных условиях могли получить женщины. *Половина* могла следовать родной дочери и сестре, а также дочери сына и единокровной сестре. *Четвертая часть* – жене или женам, если у умершего не осталось детей. *Одна треть* полагалась матери, если у умершего или умершей не было детей, а также братьев и сестер. *Одна шестая* выделялась в следующих случаях: матери при наличии у умершего детей или родных и единокровных братьев и сестер; сестре, допущенной к разделу наследства, а также бабушке, если не было матери; внучке при единственной дочери наследодателя; единокровной сестре, одной или нескольким, когда после умершего оставалась лишь одна сестра (но это если не было наследников по мужской линии). *Одна восьмая* выделялась жене или женам умершего, если после него оставались дети. *Две трети* выделялось двум и более дочерям, двум и более родным или единокровным сестрам, двум и более внукам от сына.

Из всех перечисленных лиц женского пола лишь жены и матери имели право на

своей доли, даже при наличии других наследников. Части их, как уже отмечалось, исчислялись от всего наследства, части же прочих наследников исчислялись из оставшейся по выделе определенных шариатом вышеупомянутых частей имущества. Но если среди основной категории наследников (*фарз*) были только женщины, они получали лишь им определенную долю наследства, остальное же переходило к наследникам второй категории (*асаб*). Если же таковых не оказывалось, то остаток имущества переводился в разряд выморочного и шел либо в казну, либо в сельский фонд.

Имущество целиком могли наследовать лишь сыновья, остальные же категории наследников могли претендовать только на положенные им части. Даже если у умершего осталось несколько дочерей, они наследовали положенные им две трети, а остальное переходило к асабитам, а если таковых не оказывалось, считалось выморочным.

Нередко отцы, чтобы не обделять своих дочерей или с целью записать на них все свое имущество, составляли дарственные акты (*назру*) в пользу дочерей или жен. Посредством назру отец или мать могли внести изменения в существовавший порядок шариатского наследования имущества. М.М. Ковалевский писал, что «дагестанский отец в состоянии изменить тот порядок раздела имущества, который установлен законодательством о наследовании. Он может дать дочерям равные с сыновьями доли или совершенно обойти их и передать все имущество своим внукам, сыновьям дочери. Он может также обделить сестру в пользу ее сына... он может все оставить любому одному сыну или обойти их всех и оставить все дочерям»⁴². Следовательно, отец волен был передать свое имущество любому, кому пожелает, но зачастую назру составлялись отцами в пользу дочерей при отсутствии сыновей, желая передать накопленное ими имущество напрямую собственным детям. Характерным в этой связи можно считать следующее дело, из которого следует, что в 1848 г. в своем назру житель Кумыкской плоскости Сатав Кандауров писал: «Я Сатав Кандауров отдал под словом назру имение свое... лавки, дома, оружие свое, лошадь, землю и прочее двум дочерям своим Нукай и Бакуш и всем тем, которые впредь от меня родятся, устранив от него братьев моих. Если же кто из последних объявит на это имение претензию, то она должна считаться ничтожною и не приниматься ни в коем суде»⁴³. Акт был оформлен кадием при свидетелях и утвержден начальником Терской обл. Но после смерти Сатава Кандаурова его родной брат Гебек Кандауров опротестовал этот акт и завладел лавками брата. В 1864 г. по этому случаю окружной суд разбирал жалобу вдовы Сатава и утвердил права дочерей завещателя на его имущество⁴⁴.

Другим не менее интересным актом дарения можно считать документ следующего содержания: «Магомед Къади, сын Кудясул Гаджи, делает завещание (назру) после исполнения дарения (васият). Что останется после дарения из моего имения, все переходит моим двум дочерям Гугъарше и Патимат в равных долях. И говорю так: если я заболел болезнью смерти, за день до этой моей болезни я делаю назру следующего имущества обeim моим дочерям. Один дом в квартале Карш состоит из двух комнат, трех хлебов, одного сеновала, веранды и двора по соседству с домом *Сарат*, дочери Могомы и дочери Къади *Гугъарша*. Поле в местности КИазиниб площадью для посева одного саха (около 3,5 кг. – *Б.Р.*), на востоке – *Патимат*, дочь Нурмагомеда, на западе – *Чакар*, дочь Могомы. Впереди – *Сарат*, дочь Исмаила Ханансуласул. Другое поле в местности НаштIаб, площадь посева один сах кукурузы, на востоке – *Парида*, дочь Гъази, на западе – *Пашат*, дочь Мирзы Пусмана...»⁴⁵. Далее продолжается перечисление пахотных и сенокосных участков с указанием их величины, границ, владельцев граничащих участков. Завершается документ следующим: «В пятничный день в Джума все названия этих мульков были объявлены, а также уточнено количество семян, засеваемое в этих мульках, были уточнены границы, но не обнаружился никто из собравшихся, кто оспаривал бы это. ШIабан 1310 г. хиджры» (1891 г. – *Б.Р.*)⁴⁶.

В этом документе поражает прежде всего обилие женских имен среди владельцев

земельных участков. Женщина, получившая участок в качестве наследственной доли, дара или кебинного обеспечения, становилась его владелицей, закрепляла за ним свое имя. Все это свидетельствовало о том, что женщина как владелица недвижимости в Нагорном Дагестане реально конкурировала с мужчинами. Ее права были освящены традицией, которая весьма решительно отступала от норм обычного права. В этом можно видеть то особенное положение женщины, которое она занимала в горах Дагестана и в связи с ее исключительно важной ролью в сельскохозяйственном производстве, и в связи с ее статусом в семье. Здесь, как отмечает М.А. Агларов, «мусульманское право наследования наложило на исторически сложившиеся домусульманские традиции»⁴⁷.

Далеко не во всем в Дагестане можно было наблюдать подобную картину. Такого порядка практически не было на плоскости и в Южном Дагестане, где в документах женщина в качестве владелицы земельной собственности почти не фигурировала. Впрочем, в предгорной части Темирханшуринского округа, в бывшем Мехтулинском ханстве, женщины могли владеть земельной собственностью наряду с мужчинами. В одном из дел, обсуждавшихся в Дагестанском народном суде в 1880 г., зафиксированы показания жителей селений Гели, Карабудахкента, Губдена и Эрпели: «Жители округа имеют вообще земли, которые считают своей собственностью и, как таковую, могут свободно отчуждать посредством дара, продажи или передачи по наследству. Женщины наравне с мужчинами могут самостоятельно владеть земельной собственностью. Даже беки, устраняющие вообще, согласно бекскому адату, женщин от наследства, признают действительность назра, сделанного в пользу женщин»⁴⁸.

Акцент в этих высказываниях явно был сделан на показ различия в правах владения землей рядовых общинников и князей, беков и ханов. Последние в вопросах наследования недвижимого имущества руководствовались исключительно адатами, последние же совершенно недвусмысленно лишали женщин какого-либо права на недвижимость. Вот как об этом говорилось в адатах шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского: «Из оставшегося после смерти бека шамхальской крови недвижимого имения, как то: полей, лугов, кутанов, пастбищных гор и пр. – дочери его не получают никакой части, но все оно переходит в наследство сыновьям, которые обязаны содержать незамужних сестер, если таковые будут, и выдавать замуж с приличным приданым. В этом случае не поступают по шариату»⁴⁹. Другой адат гласил: «Если после смерти бека шамхальской крови останутся одни дочери, то они получают из оставшегося движимого имущества только вещи, необходимые и приличные женщине, все прочее недвижимое имущество переходит в наследство ближайшим родственникам умершего в мужском колене, которые обязаны при выдаче их замуж дать им приличное приданое и как до замужества, так и в случае смерти мужа или развода заботиться о надлежащем содержании их. Дочери же после сего не имеют права требовать от родственников части из оставшегося по смерти отца их недвижимого имущества»⁵⁰.

Очевидно, что подобными действиями феодальные семейства стремились удержать недвижимость, и прежде всего землю, от раздробления и отчуждения.

Аналогичные адаты о лишении женщин прав наследовать имущество действовали и в отношении *чанков* (дети беков от матерей небекского происхождения) и *карачи беков* (дети беков и матерей-чанка). Но в этих ситуациях имелись уже некоторые оговорки. В адате значилось, что если «по смерти чанки или карачи останутся только дочери, то ближайшие в мужском колене родственники отца имеют право взять все оставшееся недвижимое имущество с обязательством содержать и выдать замуж с приличным приданым дочерей умершего их родственника. Если же они не захотят принять на себя этот труд, то им выделяется из оставшегося как недвижимого, так и движимого имущества следующая по содержанию часть; затем остальное переходит в собственность дочерей умершего»⁵¹. Таким образом, если наследники-мужчины отказывались выполнять определенные обязательства по содержанию женщин – прямых наследниц умершего, то раздел имущества производился по шариату.

Стремление закрепить земельную собственность семьи исключительно за мужчинами и оградить ее от дробления, которое было неизбежно при шариатском разделе наследства, было свойственно и рядовым общинникам. Для этого земельные участки объявлялись вакуфными (в пользу церковной организации), которые завещались лишь мужскому поколению наследников. После подобного завещания земля передавалась из поколения в поколение только наследникам-мужчинам. Женщины на нее не могли претендовать, даже если являлись реальными наследницами. В подтверждение хотелось бы привести следующее дело, разбиравшееся в Дагестанском народном суде: жительница сел. Мегеб Гунибского округа выступила с иском к двум своим односельчанам о восстановлении нарушенного владения на пахотный участок земли в местности Кульзиб стоимостью 500 руб. и настаивала на новом разборе этого дела по шариату. Дагестанским народным судом истице было отказано на том основании, что спорный участок являлся «вакфированным по мужской линии», т.е. завещанный потомкам мужского пола. Военный губернатор оставил иск без последствий, ввиду того что означенное решение Народного суда состоялось с соблюдением форм и порядка адатного судопроизводства⁵².

Аналогичным можно считать дело, разбиравшееся в Самурском окружном суде в 1910 г. по иску жителя сел. Ахты Магомед-Керима Ибрагимбек оглы к односельчанке своей Селем Гаджи кизы относительно вакуфного имущества стоимостью 120 руб., состоявшего из пахотного поля и комнаты. Ответчица была вдовой дяди истца и, по заверениям последнего, незаконно владела имуществом, которое якобы являлось вакуфным. Он просил распоряжения суда об отнятии у нее этого имущества и передаче ему. Ответчица не признала иск и заявила, что пахотное поле и комната перешли к ней взамен 70 руб., следуемых ей от покойного мужа. Суд постановил: истец должен заплатить ответчице 120 руб., а последняя возвратит истцу пахотное поле и комнату⁵³.

Споры по поводу наследства и судебные разбирательства в связи с его разделом были весьма нередки, зачастую участниками судебных разбирательств являлись женщины. Сестры жаловались на своих братьев по поводу невыделения причитавшейся им шариатской части имущества; братья и племянники отстаивали свои права в наследовании, считая себя обделенными, если имущество по назру, например, переходило целиком наследницам умершего – дочерям или женам. Характерно в этом отношении дело о разделе имущества жителя сел. Ахты Мустафы Герей оглы между его наследниками, разбиравшееся в Самурском окружном суде (1915–1916 гг.). В связи с тем что покойный оставил все свое имущество по назру вдове, на которой был женат вторым браком, племянники его направили в окружной суд прошение, в котором жаловались, что покойный дядя оставил их, своих прямых «кровных наследников», в стороне, все движимое и недвижимое имущество на сумму в несколько тысяч рублей подарил второй жене, от которой он не имел детей и на которой женился после смерти первой жены не более 5–6 лет тому назад. Племянники требовали своей части имущества, положенного им по шариату. Сделанный же в пользу жены назр они считали недействительным в связи с якобы умственной недееспособностью дяди, а пока просили отстранить вдову от распоряжения имуществом до окончания дела в окружном суде. На все требования истцов ответчица заявляла, что она согласна разделить то, что осталось, кроме завещанного ей по назру⁵⁴.

Споры сестер и братьев относительно имущества были вызваны главным образом тем, что последние отказывались выделить своим сестрам причитавшееся им по шариату имущество. В иске жительницы сел. Ахты Бегим-ага Магомед-неби кизы относительно шариатской части имущества покойного отца (1915 г.) отмечалось, что ныне умерший брат ее при жизни отказался выделить ей шариатскую долю из отцовского наследства на том основании, что все имущество покойного отца являлось вакуфом по мужской линии. Далее из заявления истицы следовало: «В настоящее время между наследниками названного моего брата состоится раздел, по которому, как мне известно, присуждены шариатские доли дочерям покойного. Этим опровергается

существование вакфа. В виду изложенного прошу назначить заседание для при- суждения мне шариатской доли из отцовского наследства»⁵⁵.

Братья же в большинстве случаев полагали, что доля родительского имущества, выделенная ими в приданое сестрам при выходе их замуж, и есть их шариатская доля наследства, и поэтому часто отказывались выплачивать дополнительно что-то еще из семейного имущества. Б. Далгат писал о даргинцах: «Иногда отец вместо маленького приданого дает дочери выдел, равную той доле семейного имущества, которая бы досталась при семейном разделе по смерти родителей, но эта часть вполне зависит от отца и он дает прямо произвольную часть имущества. При этом отец объявляет дочери, что она по его смерти уже после этого надела ~~не~~ имеет права требовать себе большее имущество. Это решение отца заносится и в книгу судебную»⁵⁶.

Обеспечение женщин весомым приданым у ряда народов Дагестана можно рас- сматривать как стремление отцов при своей жизни наделить дочерей полагавшимися им долями наследства. Однако этим обстоятельством нередко пользовались некоторые недобросовестные братья, рассматривавшие любое приданое как повод лишить своих сестер их наследственной доли.

При советской власти выделение женщинам участков земли в качестве приданого или наследственной доли стало весьма проблематичным. В период коллективизации все земли были обобществлены. Некоторые пытались заменить землю скотом, но и его оставалось немного в личном владении. Имущественное обеспечение женщины свелось в основном к наделению ее предметами обихода, одеждой, утварью и укра- шениями.

В целом, рассматривая имущественные права женщины и ее реальное имущест- венное положение в традиционном дагестанском обществе, можно прийти к выводу о том, что женщина в Дагестане вполне могла рассчитывать на свою собственность, как на обеспечение при разводе или смерти супруга. Она могла распоряжаться ею по своему усмотрению – подарить кому-нибудь или составить завещание относительно дальнейшего ее использования. Обладание собственным имуществом делало женщину независимой и значимой в глазах окружающих. Имущество женщины могло являться гарантом стабильности ее положения в старости.

Примечания

¹ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М., 1890; Далгат Б. Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968.

² Сергеева Г.А. Положение женщины в дореволюционном и советском Дагестане // Кавказский этнографический сб. Вып. 4. М., 1969. С. 127–128; Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985. С. 117–130; Аглиров М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988. С. 108–110.

³ См.: Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. М., 1965. С. 183–260.

⁴ Далгат Б. Указ. раб. С. 135.

⁵ Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 148. Оп. 7. Д. 8. Л. 2.

⁶ Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: Архивные материалы. М., 1965. С. 141.

⁷ Там же. С. 208.

⁸ Там же. С. 209.

⁹ Далгат Б. Указ. раб. С. 123.

¹⁰ Ковалевский М.М. Указ. раб. С. 178.

¹¹ Комаров А.В. Адааты и судопроизводство по ним // Сб. сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 52.

¹² Караулов Н.А. Основы мусульманского права // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 40. Тифлис, 1909. С. 58.

¹³ Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 82.

¹⁴ Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ. 1867. № 13.

- ¹⁵ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5. Д. 60. Л. 56, 123.
- ¹⁶ *Комаров А.В.* Указ. раб. С. 52.
- ¹⁷ *Гаджиева С.Ш.* Указ. раб. С. 179.
- ¹⁸ Памятники... С. 209.
- ¹⁹ *Кисляков Н.А.* Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1977. С. 55.
- ²⁰ Памятники... С. 208–209.
- ²¹ ЦГА РД. Ф. 148. Оп. 8. Д. 33. Л. 10.
- ²² Там же. Д. 27. Л. 2.
- ²³ Там же. Ф. 173. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
- ²⁴ *Омаров А.* Воспоминания муталима // ССКГ. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 6–7.
- ²⁵ Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ. 1848. № 44.
- ²⁶ *Гаджиева С.Ш.* Указ. раб. С. 235.
- ²⁷ *Далгат Б.* Указ. раб. С. 115.
- ²⁸ *Гаджиева С.Ш.* Указ. раб. С. 181.
- ²⁹ Памятники... С. 209.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 212–213.
- ³² *Далгат Б.* Указ. раб. С. 113.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Памятники... С. 158.
- ³⁵ Адагы Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899. С. 516.
- ³⁶ Там же. С. 517.
- ³⁷ Памятники... С. 176.
- ³⁸ *Ковалевский М.М.* Указ. раб. С. 198.
- ³⁹ *Далгат Б.* Указ. раб. С. 116.
- ⁴⁰ *Мухин В.Ф.* Очерк магометанского права наследования. СПб., 1898. С. 5.
- ⁴¹ *Караулов Н.А.* Указ. раб. С. 52.
- ⁴² *Ковалевский М.М.* Указ. раб. С. 212.
- ⁴³ Цит. по: *Гаджиева С.Ш.* Указ. раб. С. 129.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Цит. по: *Азларов М.А.* Указ. раб. С. 109.
- ⁴⁶ Там же. С. 110.
- ⁴⁷ Там же. С. 111.
- ⁴⁸ Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы. Махачкала, 1968. С. 198.
- ⁴⁹ Памятники... С. 212–213.
- ⁵⁰ Там же. С. 213.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 41. Л. 175, 176.
- ⁵³ Там же. Ф. 148. Оп. 3. Д. 2. Л. 17.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 9. Д. 29. Л. 12, 13, 31.
- ⁵⁵ Там же. Д. 34. Л. 1.
- ⁵⁶ *Далгат Б.* Указ. раб. С. 114.

B.R. R a g i m o v a. Property Rights of a Woman in Daghestan (19th – early 20th centuries)

The paper deals with property rights issues of a Daghestani woman, such as property inheritance, transfer, and sharing on the basis of archival documents analysis (such as wills) and publications of customary law and shariat norms in 19th and early 20th centuries. The author describes some salient features of inheritance and land property laws in Daghestan with reference to of women, who could inherit land or to whom land property might be transferred as a means to secure family property and avoid property sharing prescribed by shariat.